

Научная статья
УДК 316.442-053.81
<https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.1>

Электоральные предпочтения молодежи регионов РФ через призму ее политической лояльности и протестного потенциала

Татьяна Ивановна Барсукова¹, Марина Викторовна Ростовцева²,
Ольга Владимировна Паслер³

^{1,3}Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

²Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

¹ti94@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3966-6216>

²marin-0880@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9308-3778>

³olga_pasler@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1846-2054>

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного авторами социологического исследования, целью которого было выявление корреляции между различными группами молодежи, относящими себя к лояльным и протестным группам, с выраженным активным или пассивным отношением к политике и электоральными предпочтениями. Особенностью авторского подхода к исследованию является не только анализ самооценки участников опроса по данным признакам, но и выделение гендерных групп, а также распределение лояльных и активных моделей отношения молодежи к политике по различным округам РФ. Авторами отмечается низкий уровень общей привлекательности как парламентских, так и непарламентских партий для участников опроса, при этом лидируют в молодежном мнении те из них, которые коррелируют с приоритетными ценностями молодежи. Однако авторы убеждены в преобладании иррациональных составляющих политических предпочтений учащейся молодежи, что обусловлено низким уровнем ее политического участия.

Ключевые слова: молодежь, лояльная пассивная молодежь, лояльная активная молодежь, протестная пассивная молодежь, протестная активная молодежь, электоральные предпочтения молодежи, политические партии, парламентские партии, непарламентских партии, привлекательность политических партий

Для цитирования: Барсукова Т.И., Ростовцева М.В., Паслер О.В. Электоральные предпочтения молодежи регионов РФ через призму ее политической лояльности и протестного потенциала // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 2. С. 16–23. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.2.1>.

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31673.

Original article

Electoral preferences of the youth of the Russian regions in terms of its political loyalty and protest potential

Tatyana I. Barsukova¹, Marina V. Rostovtseva², Olga V. Pasler³

^{1,3}North Caucasus Federal University, Krasnoyarsk, Russia

²Siberian Federal University, Stavropol, Russia

¹ti94@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3966-6216>

²marin-0880@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9308-3778>

³olga_pasler@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1846-2054>

Abstract. The authors present the results of a conducted sociological study. The purpose of the study was to identify the correlation between various groups of young people who consider themselves to be loyal and protest groups, with a pronounced active or passive attitude towards politics and electoral preferences. A feature of the authors' approach to the study is not only the analysis of the self-assessment of survey participants according to these characteristics, but also the identification of gender groups, as well as the distribution of loyal and active models of youth attitudes towards politics in various districts of the Russian Federation. The authors note a low level of overall attractiveness of both parliamentary and non-parliamentary parties for survey participants, while those that correlate with the priority values of youth are in the lead in youth opinion. However, the authors are convinced that the irrational components of the political preferences of young students predominate, due to the low level of their political participation.

Keywords: youth, loyal passive youth, loyal active youth, passive protest youth, active protest youth, youth electoral preferences, political parties, parliamentary parties, non-parliamentary parties, attractiveness of political parties

For citation: Barsukova, T.I., Rostovtseva, M.V. & Pasler, O.V. (2022) Electoral preferences of the youth of the Russian regions in terms of its political loyalty and protest potential. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. (2), 16–23. Available from: doi:10.24158/spp.2022.2.1 (In Russian).

Funding: the study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research and EISI within the framework of research project No. 21-011-31673.

В рамках общественных наук принято выделять три основных подхода, объясняющих политические предпочтения электората. Формирование и проникновение в научные дискуссии всех трех подходов проходило практически параллельно и охватывало период 50–60-х гг. XX века.

Первый подход, условно именуемый конкретно-социологическим, представлен «генетической» моделью Липсета–Роккана (США), которая объясняет электоральные предпочтения актом солидарности индивида с определенной социальной группой (Lipset, Rokkan, 1967). При данном подходе традиционная комбинация релевантных факторов, влияющих на политическое поведение, выглядит следующим образом: пол, возраст, общественное положение, уровень доходов, место жительства, уровень образования и религиозная принадлежность. Подобный подход к изучению процесса формирования политических предпочтений был распространён в первой половине XX века в США и Западной Европе.

Естественным стало появление в 60-х годах XX века второго подхода к объяснению электорального поведения – социально-психологического, в рамках которого утверждалось, что те или иные политические предпочтения вырабатываются у человека в ходе ранней социализации и определяются набором конкретных характеристик. Примером данного подхода могут служить классические работы Т. Адорно (Adorno et al., 1969), Г. Айзенка (Eysenck, 1951), А. Кэмбелла, П. Конверса (Cambell et al., 1960) и других.

Представители рационально-инструментального подхода считают, что каждый индивид, формируя свои политические предпочтения, руководствуется в большей степени прагматизмом и личной выгодой, нежели результатами реальной экономической политики правительства (Downs, 1957).

В настоящее время можно констатировать, что объяснительный потенциал каждого из трех подходов в отдельности себя исчерпал и перестал в полной мере удовлетворять исследовательские потребности в области изучения политических предпочтений. Все больше ученых стали комбинировать данные подходы и связывать электоральный выбор с различными ценностями и личностными факторами (Эрроу, 2004; Татарко, 2017); с учетом материального и социального положения в обществе (Нагиева и др., 2021); с уровнем политической культуры в целом (Мамараев и др., 2021), с особенностями различных регионов и этносов (Нагиева и др., 2021; Мамараев и др., 2021; Хугаева, Гаглоев, 2020).

В рамках данной статьи для анализа электоральных предпочтений учащейся молодежи, представленной различными регионами РФ, мы будем руководствоваться комплексным подходом и учитывать всю сложную иерархию социальных, психологических и инструментальных факторов.

Прежде всего, необходимо отметить, что молодежь исторически является драйвером социальных перемен. Несмотря на то, что авторами революционных идей чаще всего становятся вполне взрослые люди, их реализацией занимаются студенты, безработные молодые люди или даже школьники. Но вся ли российская молодежь интересуется политикой и имеет какие-то электоральные предпочтения? Есть ли разница в таких предпочтениях молодежи столичного региона и провинции? Ответы на эти и другие вопросы помогут понять мировоззрение молодежи в эпоху глобальных политических перемен.

Отправной точкой для анализа послужили материалы исследования, проведенного учеными Северо-Кавказского федерального университета в 2021 г. среди учащейся молодежи в возрасте от 16 до 25 лет. В опросе приняли участие студенты высших и средних специальных образовательных учреждений Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольского края, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарской Республики), Центрального федерального округа (Москвы, Московской области), Сибирского федерального округа и Дальневосточного федерального округа. Всего опрошено 1 492 респондента. Для каждого региона формирование выборочной совокупности происходило с использованием процедуры квотирования по поло-возрастному признаку. В качестве гендерных квот были определены показатели состава населения округов по данному критерию по результатам всероссийской переписи населения 2010 г. Полученная в результате выборочная совокупность является репрезентативной, так как ее отклонение от заданных квот не превышает 5 %. Структура выборочной совокупности представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Структура выборочной совокупности по местам проведения опроса и полу

Место проведение опроса	Количество опрошенных (человек)	Пол	
		женский	мужской
Северо-Кавказский федеральный округ	812	430	382
Ставропольский край	218	120	98
Карачаево-Черкесская Республика	186	94	92
Республика Северная Осетия-Алания	201	108	93
Кабардино-Балкарская Республика	207	108	99
Центральный федеральный округ	209	113	96
Москва, Московская область	209	113	96
Сибирский федеральный округ	278	153	125
Дальневосточный федеральный округ	193	102	91
Всего	1 492	798	694

Было установлено, что вне зависимости от пола и региона проживания подавляющее большинство респондентов относит себя к лояльной молодёжи. При этом преобладает лояльная пассивная молодёжь, на втором месте по численности – лояльная активная молодёжь, к категории «протестная молодёжь» относят себя менее четверти респондентов, в том числе, к категории «протестная активная молодёжь» порядка 4,7–7,3 % опрошенных, в зависимости от региона проживания.

По самооценке участников опроса, лояльная активная модель больше распространена среди девушек (30,1 %) и студентов Северо-Кавказского федерального округа (30,0 %), в то время как протестная пассивная модель характерна для юношей (19,9 %) и учащихся Центрального (21,1 %) и Сибирского федеральных округов (23,0 %) (Таблица 2).

Таблица 2 – К какой группе молодежи Вы бы отнесли себя?, %

	Всего	Пол		СКФО	ЦФО	СФО	ДФО
		Женский	Мужской				
Лояльная активная молодёжь	28,8	30,1	25,9	30,0	34,4	21,9	25,9
Лояльная пассивная молодёжь	50,0	50,5	49,0	53,6	37,3	50,4	48,2
Протестная активная молодёжь	5,6	5,8	5,2	5,2	7,2	4,7	7,3
Протестная пассивная молодёжь	15,6	13,6	19,9	11,2	21,1	23,0	18,7

Формирование политических предпочтений происходит в результате поиска и оценки различного рода политической информации. Несмотря на в целом невысокий уровень интереса молодых людей к политике – лишь 32,8 % учащихся, как показывают результаты опроса, интересуются политикой, – закономерным является то, что наиболее заинтересованными оказываются молодые люди, идентифицирующие свое политическое поведение как активное – «лояльное активное» (48,4 %) и «протестное активное» (58,3 %). Такие пропорции наблюдаются во всех сравниваемых регионах. Примечательно, что группу «лояльно пассивной молодежи» или, так называемых конформистов, составляют те, кто не интересуется политикой (81,9 %) (Таблица 3).

Таблица 3 – Интерес к политике различных групп учащейся молодежи, %

	Всего	Лояльная активная молодёжь	Лояльная пассивная молодёжь	Протестная активная молодёжь	Протестная пассивная молодёжь
Интересуюсь политикой	32,7	48,5	18,1	58,3	41,3
Не интересуюсь политикой	67,3	51,5	81,9	41,7	58,7

Важной в контексте рассматриваемой проблемы является привлекательность для учащейся молодежи тех или иных партий (Таблица 4).

Необходимо отметить низкий уровень общей привлекательности и парламентских, и непарламентских партий для участников опроса. Позиция «партии власти» в политических предпочтениях молодежи также весьма неоднозначна. Привлекательность «Единой России» выше других партий характерна лишь для учащихся СКФО (43,1 %) и ЦФО (32,1 %), в остальных случаях она не так очевидна и уступает другим партиям.

Таблица 4 – Доля учащейся молодежи, отметившей привлекательность той или иной партии выше среднего уровня, %

Уровень привлекательности выше среднего (> 5 баллов по 10-балльной шкале)	СКФО	ЦФО	СФО	ДФО	Всего по массиву
Парламентские партии					
«Единая Россия»	43,1	32,1	19,1	18,1	28,1
КПРФ «Коммунистическая партия Российской Федерации»	30,7	17,7	16,2	17,5	20,5
ЛДПР – Либерально-демократическая партия России	30,7	26,8	24,8	22,3	26,2
Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия – патриоты – за правду»	26,8	19,6	15,1	16,6	19,5
Партия «Новые люди»	21,4	23,4	21,6	15,5	20,5
Непарламентские партии					
«Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»	19,1	22,5	19,4	18,1	19,8
Партия «Родина»	19,8	11,5	12,2	8,3	13,0
«Партия роста»	16,5	14,8	11,2	12,4	13,7
Коммунистическая партия Коммунисты России	19,5	13,9	11,2	14,0	14,7
«Российская партия пенсионеров за социальную справедливость»	26,8	23,4	20,5	20,2	22,7
Партия «Гражданская Платформа»	17,7	14,4	11,2	10,4	13,4
«Российская экологическая партия «Зелёные»	23,9	29,2	27,0	20,7	25,2
Партия Зелёная альтернатива	21,4	24,4	18,7	18,7	20,8
Российская партия свободы и справедливости	28,2	22,0	26,3	19,2	23,9

Анализ электоральных предпочтений также свидетельствует, что в молодежной среде существует запрос на появление новых оппозиционных партий (не случайно новая политическая партия «Новые люди» сразу получила немалый уровень поддержки у молодежи); партий с социальной и экологической повесткой. Политические предпочтения с очевидностью коррелируют с приоритетными ценностями. Те партии, где в названиях заложены важные для молодежи ценностные коды – «справедливость» и «свобода», также весьма привлекательны. Представляется, что в силу низкого интереса к политике привлекательность для молодежи малоизвестных непарламентских партий следует оценивать как интуитивную. Простые и понятные любому молодому человеку паттерны – ориентация на свободу, справедливость, защита экологии – вызывают однозначно позитивные ассоциации на уровне подсознания.

Наличие иррациональных составляющих политических предпочтений учащейся молодежи подтверждается и низким уровнем ее политического участия.

По результатам исследования лишь 11,9 % опрошенных участвует в деятельности каких-либо политических партий, общественно-политических молодежных движений и объединений (от 6,3 % и 5,5 % у лояльной и протестной пассивной молодежи, до 14,3 % и 24,6 % у протестной и лояльной активной молодежи, $p < 0,001$).

Анализ ответов респондентов на вопрос о том, каким идеологиям соответствуют их политические предпочтения, во многом определяет характер политического поведения. При этом аполитичную позицию (позицию отрицания какой-либо идеологии) выбрали 12,9 % учащейся молодежи.

В целом, распределение предпочитаемых идеологий по смешанной выборке соответствует социально желательным. Чаще всего отмечают идеологии социал-демократизма (44,8 %), либерализма (39,9 %), пацифизма (21,4 %), значительно реже – консерватизм (14,9 %), национализм (11,8 %), социально неприемлемые, крайне редко – монархизм и анархизм (4,5 % и 4,0 % соответственно), социально неприемлемый «фашизм» отмечается на уровне технической ошибки (16 ответов или 1,1 % на 1 492 респондентов) (Рисунок 1).

Идеологическая составляющая накладывает отпечаток на декларируемые молодежью симпатии к тем или иным политическим деятелям. Исследование показало, что в большинстве своем российская молодежь отдает предпочтение действующему президенту В.В. Путину (30,0 %). Однако есть и такие, кто не согласен с его политикой и готов проголосовать за кого угодно, лишь бы сменить действующую власть (4,0 %). 17,2 % опрошенных не знают, кого конкретно из политических деятелей они бы хотели видеть на посту Президента РФ в будущем, а 6,0 % считают, что пока достойного кандидата нет (Таблица 5).

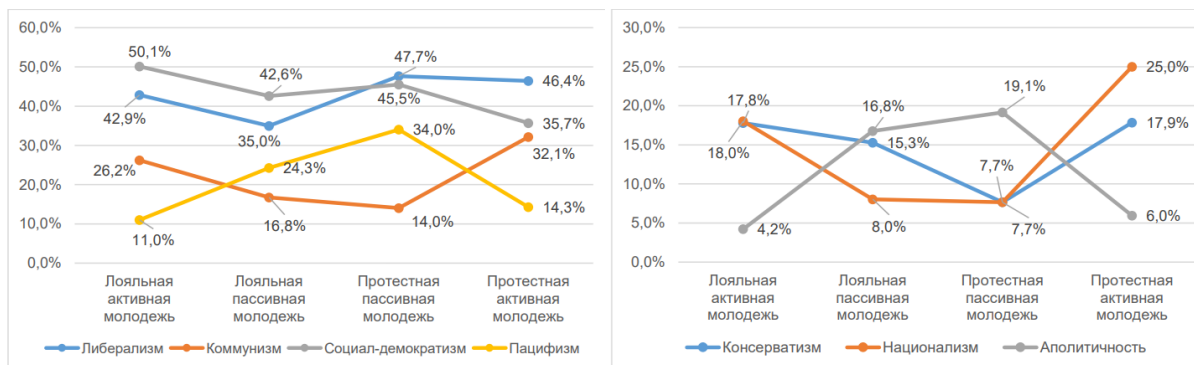

Рисунок 1 – Идеологические предпочтения различных групп учащейся молодежи, %

Таблица 5 – Кого из политических деятелей Вы хотели бы видеть на посту Президента РФ в будущем?

Варианты	% ответивших
Путин В.В.	30,0
Навальный А.А.	4,4
Жириновский В.В.	3,6
Медведев Д.А.	2,4
Грудинин П.Н.	1,6
Собчак К.А.	1,2
Бондаренко Н.Н.	1,0
Шульман Е.М.	1,0
Зюганов Г.А.	0,8
Кадыров Р.А.	0,6
Фургал С.И.	0,6
Лавров С.В.	0,4
Собянин С.С.	0,3
Мишустин М.В.	0,3
Другие кандидаты	9,1
Не знаю/ затрудняюсь ответить	17,2
Любого нового кандидата / Не Путина В.В.	4,0
Себя	2,6
Хорошего/честного/справедливого/патриота/кто улучшит жизнь людей	2,6
Мне всё равно/Не интересуется	1,9
Женщину	0,6
Другие ответы/отказ от ответа	7,8
Нет достойного кандидата/Никого	6,0

Второй по популярности кандидат на пост Президента РФ, с 4,4 % голосов – ныне осужденный, главный критик в стране, Алексей Навальный, который в силу закона уже не может претендовать на этот пост. Однако именно благодаря критике чиновников и политиков, а также действующего президента оппозиционный блогер, принадлежащий к либеральному политическому лагерю, получил свою долю популярности среди молодежи.

Традиционно сильные позиции в молодежном общественном мнении занимает кандидатура В.В. Жириновского (3,6 %), который благодаря своей популистской риторике воспринимается молодежью как оппозиционер и «борец за правду». Появились в поле зрения молодежи и новые политические фигуры, такие как Николай Бондаренко – депутат Саратовской областной думы от КПРФ, Сардана Авксентьева – первая женщина-мэр Якутска, ныне депутат Государственной думы РФ от партии «Новые люди», Екатерина Шульман – российский политолог и публицист. Однако уровень их поддержки пока ничтожно мал.

В целом, наблюдается так называемый политический вакуум: отсутствие сколько-нибудь значимых оппозиционных политических деятелей, способных выступить альтернативой действующему президенту, хотя запрос на такого кандидата в молодежной среде есть. Существующая фрустрация ведет, среди прочего, к аполитичности, абсентеизму и нигилизму современной молодежи. На этом фоне растет и недоверие молодежи к действующей власти и существующим

политическим институтам, а безальтернативность выбора и уголовное преследование отдельных оппозиционных фигур ставят под сомнение в глазах молодежи само существование оппозиции и честность избирательного процесса в России.

Данные выводы подтверждаются и ответом на вопрос о нынешней роли различных институтов в решении политических вопросов внутри страны (Рисунок 2). Лишь по мнению 18 % учащейся молодежи, институт всеобщего избирательного права и институт политических партий и общественных организаций играют существенную роль во внутриполитическом процессе страны.

Рисунок 2 – Какие политические институты, на Ваш взгляд, играют ключевую роль в решении политических вопросов внутри нашей страны?,

Не выявлено статистически значимых различий в оценках молодежи с разной политической активностью роли институтов президентства, парламентаризма, исполнительной власти в лице правительства, судебной власти, гражданства, института всеобщего избирательного права, что может быть связано с недостаточной юридической подготовкой респондентов, а также невозможностью непосредственного влияния молодежи в подавляющем своём большинстве на деятельность этих институтов.

В то же время в оценке деятельности доступных для молодежной активности институтов политических партий и общественных организаций, а также института местного самоуправления наблюдаются следующие, статистически значимые ($p=0,003$ и $p=0,008$, соответственно) закономерности (Рисунок 3):

1) значимость роли местного самоуправления в решении политических вопросов внутри страны в наибольшей степени прослеживается у молодежи, определяющей себя как активная, причем для протестной активной молодежи важность данного института более выражена (35,7 %);

2) роль политических партий и общественных организаций в целом оценивается крайне низко, при этом лояльная активная молодежь в большей степени возлагает решение внутренних вопросов на данный институт (22 %).

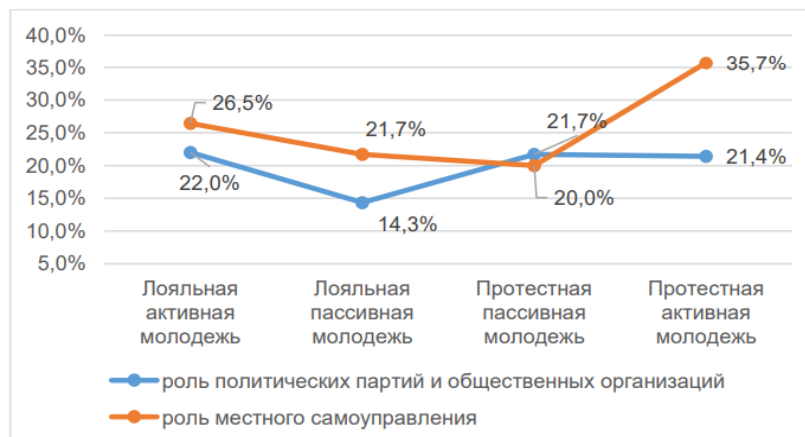

Рисунок 3 – Какие политические институты, на Ваш взгляд, играют ключевую роль в решении политических вопросов внутри нашей страны?, %

Подводя итоги, можно констатировать, что региональная молодежь в России в большинстве своем пассивна и аполитична. Несмотря на то, что почти 2/3 молодежи не согласно с проводимой действующей властью политикой, и они хотели бы многое в ней изменить, лишь малая часть молодых людей готова предпринимать для этого активные действия. Однако обратной стороной нигилистских настроений в молодежной среде на фоне общего кризиса гуманитарного образования в России является то, что в будущем это может замедлить поступательное развитие страны и в перспективе приведет к деградации самой политической элиты и человеческого капитала в целом.

Имеющийся у молодежи протестный потенциал – а по данным исследования, к протестной молодежи себя относит каждый 5 молодой человек (21,2 %) – довольно значительный, что создает проблему конвертации данного потенциала в реальную угрозу дестабилизации политической системы страны. Лишь потому, что основу протестного потенциала пока составляет пассивная молодежь (15,6 %), можно говорить, что данная угроза не является определяющей в текущей повестке дня.

В ходе исследования также обнаружена определенная тенденция: с ростом интереса молодежи к политике растет и ее социально-политическая активность, причем как в одну, так и в другую сторону по оси «лояльность – протест». Государственная молодежная политика в этой связи должна быть ориентирована на работу с той частью молодежи, которая проявляет интерес к политике, предоставляя ей «здоровый» информационный контент, разнообразные форматы политического участия и реальные возможности для обмена мнениями и удовлетворения собственных интересов. Именно такая часть молодежи способна в будущем стать производителями и интерпретаторами политических ценностей и смыслов.

Список источников:

- Мамараев Р.М., Лысенко Ю.М., Гарунова Н.Н. Политическая культура дагестанской молодежи и её электоральные установки на современном этапе развития // Социология. 2021. № 2. С. 180–187.
- Нагиева М.К., Салихова Л.Б., Басирова К.К. Исследование электоральных предпочтений дагестанской молодежи с учетом ее материального и социального положения в обществе // Социология. 2021. № 2. С. 112–119.
- Татарко А.Н. Взаимосвязь базовых человеческих ценностей и электорального поведения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 17–37. <https://doi.org/10.17759/sps.2017080102>.
- Хугаева А.А., Гаглоев А.Т. Политико-идеологическая идентификация современной молодежи: социологический анализ // Социология. 2020. № 4. С. 165–173.
- Эрроу К.Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2004. 201 с.
- Adorno T.W., Frenkel-Brunswik E., Levinson D.J., Sanford R.N. The Authoritarian Personality. N.Y., 1969. 990 p.
- Campbell A., Converse P., Miller W., Donald E. Stokes, The American Voter. N.Y., 1960.
- Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. 1957. Vol. 65, No. 2. P. 135–150.
- Eysenck H.J. Primary Social Attitudes to Social Class and Political Party // The British Journal of Sociology. 1951. Vol. 2. No. 3. P. 198–209.
- Lipset, S., Rokkan S. (eds.) Party systems and voter alignments: cross-national perspectives. New York, 1967. 554 p.

References:

- Adorno, T.W., Frenkel-Brunswik, E., Levinson D.J., Sanford R.N. (1969) The Authoritarian Personality N.Y.
- Arrow, K.J. (2004) Social Choice and Individual Values. Moscow: Izdat. Dom GU VShE. (In Russian)
- Campbell, A., Converse, P., Miller, W., Stokes, D.E. (1960) The American Voter. N.Y.
- Downs, A. (1957) An Economic Theory of Political Action in a Democracy. *The Journal of Political Economy*. (65:2). 135–150.
- Eysenck, H.J. (1951) Primary Social Attitudes to Social Class and Political Party. *The British Journal of Sociology*. (2:3). 135–150.
- Khugaeva, A.A., Gagloev, A.T. (2020) Political and ideological identification of modern youth: a sociological analysis. *Sociology*. (4). 165–173. (In Russian)
- Lipset, S., Rokkan S. (eds.) (1967) Party systems and voter alignments: cross-national perspectives. New York: Free Press.
- Mamaraev, R.M., Lysenko, Yu.M., Garunova, N.N. (2021) Political culture of Dagestani youth and its electoral attitudes at the present stage of development. *Sociology*. (2). 180–187. (In Russian)
- Nagieva, M.K., Salikhova, L.B., Basirova, K.K. (2021) Study of the electoral preferences of Dagestan youth, taking into account their material and social status in society. *Sociology*. (2). 112–119. (In Russian)
- Tatarko, A.N. (2017) The relationship of basic human values and voting behavior. *Social psychology and society*. (8:1). 17–37. Available from: <https://doi.org/10.17759/sps.2017080102>. (In Russian)

Информация об авторах

Т.И. Барсукова – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=567267.

М.В. Ростовцева – доктор философских наук, заведующий кафедрой психологии развития и консультирования Сибирского федерального университета Красноярск, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=579598.

О.В. Паслер – кандидат политических наук, доцент кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=691896.

Information about the authors

Т.И. Barsukova – D.Phil. in Social Science, Professor, Sociology Department, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=567267.

М.В. Rostovtseva – D.Phil., Head of Developmental Psychology and Counseling Department, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=579598.

О.В. Pasler – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Sociology Department, North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=691896.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.01.2022;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.02.2022;
Принята к публикации / Accepted for publication 23.02.2022.